

УДК 82-94

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-162-190

«Разговор из двух углов»:
к истории несостоявшегося книжного проекта
М.Л. Гаспарова

Наталья С. Автономова

*Институт философии Российской академии наук,
Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, avtonomovanatalia@gmail.com*

Аннотация. Жанр статьи – непретенциозный рассказ о том, «как мы работали вместе». М.Л. Гаспаров называл нашу совместную работу над разными темами – от Шекспира и Маршака до обэриутов, а потом над книгой о философии и филологии – «разговором из двух углов». «Два угла» – это, условно говоря, его филология и моя философия: несмотря на общность основных принципов отношения к гуманитарной науке и к самой идее научности, различие базового материала и дисциплинарных языков делало наше концептуальное общение непростым занятием. В статье представлены основные темы совместной работы М.Л. Гаспарова и Н.С. Автономовой, а затем показана предполагавшаяся структура несостоявшейся совместной книги (для «желтой серии» ИВГИ РГГУ, примерно 12 п. л.), ее разделы и проблемные узлы. По мысли Гаспарова, эта книга должна была стать экспериментальной и соединить под одной обложкой то, что сам он четко разводил в собственном творчестве (научные статьи, фрагменты из «Записных книжек», письма, ответы на вопросы и др.). Планировалось включить в книгу размышления каждого из авторов о современных взаимодействиях философии и филологии, о специфическом и общем в гуманитарных науках в сравнении с другими науками, об изменении мыслительных координат от советского к постсоветскому времени и о концептуальных следствиях этих перемен, а также фрагменты совместной работы над темами из Лотмана и Бахтина.

Ключевые слова: философия, филология, гуманитарные науки, мыслительные координаты, экспериментальная форма, Лотман, Бахтин, Ярхо

Для цитирования: Автономова Н.С. «Разговор из двух углов»: к истории несостоявшегося книжного проекта М.Л. Гаспарова // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 162–190. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-162-190

© Автономова Н.С., 2018

“A conversation from two corners”:
towards a history of M.L. Gasparov’s
failed book project

Natalia S. Avtonomova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
avtonomovanatalia@gmail.com

Abstract. The article is an unpretentious story of “how we worked together”. Mikhail Gasparov called our joint work on a wide variety of topics from Marshak’s translations of Shakespeare’s sonnets to OBERIU poets and then on a book on philosophy and philology a “conversation from two corners”. The “two corners” stood roughly for his domain, philology, and mine, philosophy: although we shared the same basic ideas about the humanities and their scientific status, the material we worked with and the disciplinary languages we used were so different that talking about concepts was not an easy task. This article presents the main topics of our joint work and the proposed structure of our might-have-been joint book (designed for the Institute for Advanced Studies in Humanities’ *Yellow Series*, approximately 200 pages), describing its individual sections and issues. Gasparov’s plan was to make it an experimental book that would bring together things that he himself made a point of separating in his own work (scholarly articles, fragments from his *Notes and Excerpts*, letters, answers to questions, etc.). It was planned to present each author’s reflections on the contemporary interactions between philosophy and philology, on the general and the specific in the humanities as opposed to other disciplines, on the changing of the Soviet mental frame of reference to the post-Soviet one and on the conceptual implications of these changes. Also, fragments of joint work on different topics concerning Lotman’s and Bakhtin’s work were to be presented.

Keywords: philosophy, philology, humanities, mental frame of reference, experimental form, Lotman, Bakhtin, Yarkho

For citation: Avtonomova NS. “A conversation from two corners”: towards a history of M.L. Gasparov’s failed book project. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;3(36):162-90. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-162-190

Введение

«Разговор из двух углов» – так М.Л. Гаспаров (далее – Гаспаров) называл нашу совместную работу над книжкой о философии и филологии, которой мы официально (по плану), но урывками занимались в последние годы его жизни, а по сути – все время нашего с ним сотрудничества, продлившегося около полувека. Замысел этой книжки для «желтой серии» ИВГИ (серия «Чтения по истории и теории культуры») в итоге не реализовался, однако контуры ее замысла, думаю, представляют интерес для многих гуманитариев. А потому здесь я хочу рассказать о том, как мы пришли к мысли об этой книжке, о том, что должно было в нее войти, но прежде – о том, над какими темами нам вообще довелось работать вместе. Таким образом, статья эта не просто фрагмент интеллектуальных биографий; речь в ней пойдет о некоторых опорных моментах истории, философии и методологии гуманитарных наук в России второй половины XX и начала XXI в. Это воскрешение (с начала 1960-х годов во многом – вследствие переоткрытия Гаспаровым трудов Б.И. Ярхо, находившихся в архивах) сравнительно-статистических методов в гуманитарных науках, опиравшихся на слово; это дискуссии вокруг проблем перевода и анализа перевода; это анализ, на примере обоснования славистики и структурализма у Р.О. Якобсона, ситуаций погруженности гуманитарных идей в те или иные социокультурные конъюнктуры и тем самым – усложнение процедур обоснования знания; это изучение постсоветских рецепций творчества М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана и др. После разбора отдельных тем, над которыми мы работали, речь пойдет о замысле совместной книги по философии и филологии, о ее экспериментальной структуре и о некоторых проблемах, которые должны были бы в ней рассматриваться. Все это заново подталкивает к вопросу о сложности обоснования идеи точного литературоведения в современную эпоху, когда идея гуманитарного знания как науки сильно размывается. Становится очевидно, что современная гуманитарная наука требует новых доводов в пользу возможностей объективного познания, в частности изучения механизмов социальной, исторической рецепции текстов культуры, ее коммуникативных механизмов.

Основные темы совместных работ

Начало моего интенсивного личного общения с Гаспаровым относится к тому периоду, когда я решила оставить занятия форте-

пиано в училище при Московской государственной консерватории и пойти в филологию. Гаспаров, мой троюродный дядя по отцовской линии, руководил моим чтением, составлял списки литературы – художественной и критической – которую я должна была прочитать к вступительным экзаменам, и регулярно проверял мое продвижение в этой области; он рисовал мне контурные карты, на которые наносил основные культурные и политические события того или иного века в европейских странах и в России (две такие карты – по XVII и XVIII вв. – опубликованы в сборнике писем «Ваш М. Г.» [1 с. 256, 257]), водил в музеи – Пушкинский изобразительный и Третьяковку – вместе со своей дочерью Аленой, будущим психологом, и моим младшим братом Володей, будущим экономистом (тогда они оба были младшими школьниками). Но то, что можно назвать «сотрудничеством», началось тогда, когда я поступила в университет, на романо-германское отделение филфака МГУ, и, по сути, не прерывалось, когда я ушла из филологии в аспирантуру Института философии РАН (тогда АН СССР), а потом осталась работать в этом институте. Наше сотрудничество углубилось, когда мы встретились в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ, где оба работали совместителями, Гаспаров – с момента основания ИВГИ, с 1992 г., а я – с 1998-го.

Начну с общего перечисления основных тем, над которыми мы работали вместе. Эти исследования иногда становились статьями, а иногда вообще не дозревали до публикации. С двумя подписями вышла статья «Сонеты Шекспира и переводы Маршак» [2]. Гаспаров несколько раз ее перепечатывал в сборниках своих произведений [3, 4], я тоже ее перепечатала – в двух изданиях книги «Познание и перевод» [5, 6]. С двумя подписями был опубликован наш доклад на конгрессе «100 лет Роману Якобсону», озаглавленный «Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры 1929–1953» (он вышел трижды: сначала в препринтном сборнике материалов, затем – как статья в НЛО и, наконец, в расширенном виде – в итоговом томе материалов по конгрессу [7]).

Далее назову доклад – точнее два доклада – на общую тему «Лотман о культурной памяти и культурная память о Лотмане» на VII Лотмановских чтениях (1999). Выступление Гаспарова было опубликовано мной в книге «Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров» [8]; там же – мои комментарии к этому выступлению и последовавшей затем дискуссии [9]. А еще нами были сделаны доклады для конференции РГГУ «Новые концепции образования» (Голицыно, 2000); в данном случае мое участие в докладе Гаспарова было лишь мотивировочным, а еще – перформа-

тивным. Гаспаров тогда не смог поехать на конференцию и попросил меня прочесть его доклад «Опыт античности для педагогики будущего»: этот текст опубликован вместе с пояснительным введением в моем фештшрифте «Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею» [10]. Гаспаров поддержал меня в замысле книжки из «желтой серии» с анкетой для сотрудников ИВГИ и придумал к ней название: – «Свой путь в науке. Коллективный портрет ИВГИ» [11]. Его текст – фактически ответы на составленную мною анкету с вопросами о том, что значит философия для филологов, нужна ли она им и в каком качестве, – назывался «Научная щель» [12]. Занятия темой философии обэриутов (ОБЭРИУ – Объединение Реального Искусства – возникло в 1927) не породило общего текста, был опубликован только мой комментарий к докладу О. Ханзен-Лёве об обэриутах [13], но Гаспаров хотел, чтобы мы вместе об этом написали, «проверив гипотезу» о гротесковом, а не «серьезном» характере их философии.

Все эти темы, совершенно различные – по материалу, эпохам, методам изучения, смысловым акцентам, – вводили нас в общее пространство размышлений о «философии и филологии» и подталкивали к мысли об общей книге. А теперь представляю эти темы несколько подробнее.

«Сонеты Шекспира и переводы Маршака», 1969¹

Гаспаров был неофициальным руководителем всех моих работ на филфаке, и прежде всего – моей первой курсовой на 2-м, кажется, курсе. Когда я делала доклад по курсовой со схемами и подсчетами – в семинаре у Ю. Архипова, преподававшего у нас зарубежную литературу Возрождения, – преподаватель заявил: «Это образец того, как не нужно было делать!», но в итоге все равно поставил мне пятерку по курсовой. Своей специальностью я считала лингвостилистику – была такая дисциплина на стыке языка и литературы. В совместной работе над сонетами Шекспира и переводами Маршака у нас было четкое разделение ролей: «...вся проработка материала принадлежит Н.С. Автономовой, а основная мысль и словесное изложение – мне», – уточнял Гаспаров при переиздании

¹ Применительно к статьям, вышедшим при жизни Гаспарова, ставлю годы изданий, а применительно к текстам, опубликованным посмертно (это доклады), – годы устных выступлений, даты их публикаций см. в списке литературы.

статьи в своем послесловии [3 с. 120]. В основе такого распределения ролей лежала, конечно же, его гипотеза – мысль, ощущение, представление о глубоком стилистическом несоответствии между образным строем шекспировских сонетов и маршаковских переводов. Гаспарову хотелось проверить эту гипотезу на материале моими руками (он говорил, что у него руки вряд ли когда-нибудь дошли бы до этого).

Как это было? Общей настройкой, вступлением к совместным занятиям был сделанный Гаспаровым замечательный разбор стихотворения Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива» – пока еще без развернутого сопоставления с Ламартином, на котором он потом основал свою статью [14]; это был для меня образец разбора, который потом очень помогал нащупывать параметры анализа. Несколько сонетов Шекспира и переводов Маршака мы для начала разобрали вместе. Главными приемами анализа были вычленение и описание (в духе Трира и Вайсгербера) того, что называлось «семантическими полями» – это были военное дело, юриспруденция, растительный мир, животный мир, чувства, мысли и др.; в отдельный раздел вошла неоплатонистическая лексика (истина, добро и красота и соответствующие прилагательные). Важное место занимали *подсчеты* – с опорой на существительные и прилагательные – и составление частотных словарей. По мере продвижения в материале все яснее становилось, что барочная лексика Шекспира вовсе не имеет соответствий или имеет мало соответствий в переводах, и, наоборот, «романтическая» лексика Маршака, находившая эмоциональный отзвук в традициях «советского классицизма» 1940-х годов, когда делался перевод, полностью отсутствует у Шекспира.

Тут была хронологически важная методологическая параллель. В те времена, в середине 1960-х, когда мы занимались Шекспиром и Маршаком, Гаспаров, видимо, уже обнаружил в архивах, но еще не опубликовал программу исследований своего идейного кумира Бориса Исааковича Ярхо (1889–1942); его методологическая программа с опорой на Ярхо еще только формировалась, но фактически он уже действовал сообразно с ее принципами, например, в своей кандидатской диссертации по басням Федра и Бабрия (1963), защищенной – в силу негативной реакции специалистов на формалистические изыски – с перевесом всего в один голос. Гаспаров и Ярхо – это тема отдельного исследования; Гаспаров считал себя «младоформалистом», преданным последователем Ярхо и видел свою единственную цель в том, чтобы «не испортить образец». На самом деле соотношения их концепций были более тонкими и сложными [15].

Напомню тезис Ярхо, который можно считать основанием «программы Ярхо–Гаспарова». В 1920-е годы Ярхо не удалось реализовать свои амбициозные замыслы, связанные с точным количественным анализом литературного материала, но он верил в свою концепцию и устремлял взор в будущее, которое видел в определенной перспективе. И говорил об этом с ораторской убедительностью: «Кладя количественный учет и микроанализ в основу исследования, я только предлагаю сделать для литературоведения то, что полтора года тому назад сделал Лавуазье для химии, и не сомневаюсь, что результаты не заставят себя ждать» [16 с. 7]. Ярхо считал Лавуазье творцом современной научной химии: ведь во флогистонной теории химия «стояла на голове». Гаспаров открыл программу Ярхо для русского/советского читателя. Первая статья Гаспарова по материалам архивов Ярхо [15] и сделанная им публикация фрагментов из главной книги Ярхо [17] совпала по времени с публикацией нашей статьи «Сонеты Шекспира – переводы Маршака» – это было в 1969 г., когда я защищала на филфаке МГУ диплом по образной и композиционной структуре сонетов Шекспира.

В тексте опубликованной статьи «Сонеты Шекспира и переводы Маршака» Гаспаров был предельно аккуратен в оценках. Несмотря на составленные мной списки романтической лексики, где были и «печальный жребий», и «седой восток», и «вольный океан», и «замшелый мрамор» (вместо шекспировских «gilded [позолоченных] monuments»), он подчеркивал, что этот анализ еще не устраняет интуитивизма наших оценок: «...называть эту лексику “романтической” мы можем только по интуитивному ощущению: настоящий словарь русского поэтического языка первой трети XIX века никем пока не составлен». И все же, полагает он, проведенные исследования можно считать убедительными: «...яркость этих примеров и без того достаточна. Здесь есть и туман, и даль, и романтические розы, а “душа родная” выглядит прямой реминисценцией из Владимира Ленского» [5 с. 622].

Однако его общая мысль была такая: мы не можем в научном смысле говорить об истории литературы, не сделав глобальных подсчетов по эпохам, авторам, жанрам и др., не получив средних данных, а тем самым и возможности видеть то, что выделяется на фоне среднего. Без такого анализа неизбежна редукция истории литературы к разным внешним факторам – социальным, экономическим, психологическим и др. И дело не только в истории литературы: без точных методов изучения вербальной материи все разговоры о том, что есть литературное произведение, бессмысленны. В последние годы, после повсеместного вхождения в научный

обиход компьютерных техник, Гаспаров считал, что за 20–30 лет, или даже еще быстрее, можно было бы сделать основные подсчеты – по разным литературам, эпохам, авторам. В этой связи мне хотелось бы спросить у специалистов. Как обстоит дело нынче с тем, что я называю «программой Ярхо–Гаспарова»? Насколько и куда мы продвинулись с тех пор? Успехи сравнительно-статистического подхода в области стиховедения известны. А в других областях? Есть ли молодые таланты, готовые стать прорабами такой аналитической разборки–сборки? Работа их ждет колоссальная, в ближайшей перспективе – неблагодарная. Обо всем этом, наверное, нужно было бы расспросить Игоря Пильщикова и Веру Полилову: на Гаспаровских чтениях – 2018 в РГГУ они представили доклад на тему «Новая информационная система по сравнительной поэтике: от поэтического корпуса и электронной библиотеки к семантической сети».

В любом случае довольно широкая известность (в положительном и отрицательном смысле слова) статьи о Шекспире и Маршаке связана не с попытками квантитативного анализа (эта тема в опубликованном варианте статьи не освещена), а с представленной в ней идеологией подхода к переводу. Так для чего была написана эта статья? Чеканная и афористичная проза Гаспарова предъясляет нам несколько ответов на этот вопрос. Вот главный: мы должны понять, что

«нет переводов вообще хороших и вообще плохих, нет идеальных, нет канонических. Ни один перевод не передает подлинника полностью: каждый переводчик выбирает в оригинале только главное, подчиняет ему второстепенное, опускает или заменяет третьестепенное. Что именно он считает главным и что третьестепенным – это подсказывает ему его собственный вкус, вкус его литературной школы, вкус его исторической эпохи» [5 с. 623–624].

Это изречение можно трактовать, и сейчас оно трактуется исследователями, как четкая формулировка *теории относительности перевода* [18 с. 68] или, точнее, *культурно-исторической относительности перевода*. Но это вовсе не апология культурно-исторического релятивизма (не путать с релятивностью!) перевода или гуманитарного знания в целом.

Кроме того, статья вовсе не была поношением конкретного переводчика; в ней было показано, что, в отличие от многих предшественников, у Маршака была своя художественная система, выдержанная на протяжении всего цикла сонетов, а не эклекти-

ческое соединение разного. Более того, в статье говорилось даже, что когда-нибудь для новой эпохи главным, возможно, станет то, что Маршак считал *третьестепенным*, и тогда можно будет лишь пожелать, чтобы этой эпохе удалось найти переводчика, «который передаст этого нового Шекспира с таким же мастерством, с которым Маршак создал того Шекспира, которого знаем мы» [5 с. 624].

Однако при всех этих оговорках публикация статьи породила скандал на защите моего диплома по Шекспиру, не имевшего никакого отношения к переводам: преподаватели кафедры английского языка МГУ (за единственным исключением Ирины Владимировны Гюббенет) были обижены за Маршака. Негативные отзывы на статью прорывались и в широкую печать; когда-то я берегла возмущенные вырезки из «Литературной газеты» с мнениями читателей. Все это свидетельствовало, как сейчас говорят, об «оскорблении чувств верующих» – верующих в то, что они имеют дело с идеальным переводом, а не ярким случаем подтверждения теории относительности перевода. Вследствие этих событий мне пришлось уйти из филологии (рекомендацию в аспирантуру мне дали, но было понятно, что меня в нее не возьмут), а Гаспаров был отлучен от Маршака, хотя как раз тогда должен был взяться за редактирование его сочинений.

На международной конференции «Переводы классики: старые и/или новые», проведенной РАНХиГС'ом (апрель 2018), говорилось, что и в наши дни, т. е. через полвека после выхода статьи, переводы Маршака издаются миллионами экземпляров – именно как идеальные переводы для широкого читателя. Правда, издаются и другие переводы. И все это, конечно, заслуживает отдельного обсуждения.

О других темах мне придется рассказать короче.

*«Якобсон – славистика и евразийство:
две конъюнктуры 1929–1953», 1996, 1997, 1999*

В данном случае импульс к работе над темой исходил от меня, точнее – от швейцарского лингвиста Патрика Серию, который уговаривал меня проработать малоизвестную статью Якобсона, при жизни им в Собрании сочинений не перепечатававшуюся, и сделать о ней доклад на конференции в честь 100-летия Якобсона (Кре-Берар, Швейцария). Статья называлась «Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik» [19], в позднейшем русском переводе – «О сегодняшних перспективах русской славистики» [20].

Эта статья, написанная по-немецки, трудная по языку, изобилует разновременными нерасчлененными наслоениями материала; Гаспаров помогал мне в ее анализе, заинтересовался и углубился, так что виртуозная историческая интерпретация приводимых Яковсоном данных – целиком его заслуга. Он мастерски расчленил склейки между воспоминаниями Яковсона о годах учения и той реальной ситуацией в русской славистике, какой она была в 1929 г., когда Яковсон по просьбе Н.С. Трубецкого писал в Праге эту статью – как манифест рождавшегося структурализма. Моя же роль была связана скорее с поисками и анализом сопоставительных параллелей – мост перекидывался от этой пражской работы Яковсона к его статьям, написанным в Америке в середине 1950-х годов; в этой новой конъюнктуре тоже стоял вопрос об основах славистики и структурализма, однако главная роль отдавалась уже не «русской мысли», но «западным формам» славянских штудий и славянской идеологии. К этой параллели двух конъюнктур (1929–1953) в моем докладе на швейцарской конференции была добавлена еще и третья конъюнктура – это 1990-е годы, или, иначе, постсоветская ситуация восприятия всех этих исторических метаморфоз структурализма, евразийства и славистики [21].

По нашей общей статье можно судить о том, что может происходить с научными материями при погружении их в социальные контексты: в данном случае евразийство, «русская мысль», структурализм приобретают разные конфигурации в зависимости от исследовательских и социальных обстоятельств. Спрашивается: насколько внешние ситуации, перемены мест и времен влияют на фактуру идей и их соотношения? Этот вопрос принципиально важен для современной философии и истории науки. В дальнейшем мне приходилось неоднократно к нему возвращаться, например в работе над переводом и предисловием к книге Патрика Серио «Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30 гг.» [22], в которой я рассматривала фактически проблему «скользящих границ» между «наукой» и «идеологией». Полезный материал, уточняющий систему взглядов Яковсона межвоенного периода, дают нам исследования чешских архивов у Петера Стайнера и Томаша Гланца.

*«Лотман о культурной памяти
и культурная память о Лотмане», 1999*

А это была уже третья ситуация: С.Ю. Неклюдов, руководивший подготовкой к VII Лотмановским чтениям, попросил нас обоих выступить на данную тему. В официальной программе

чтений лаконично сказано: «Вводный доклад – Автономова Н.С. и Гаспаров М.Л.». В данном случае это был, как уже отмечалось, не один доклад, а две створки доклада с общим заглавием: тексты произносились друг за другом на одном заседании. С самого начала подготовки моей обязанностью был сбор материала по современным западным рецепциям Лотмана. В 1999 г. я просидела месяц в Национальной библиотеке в Париже, разыскивая там новые материалы о Лотмане, а потом сводя их в большой конспект для нашего общего пользования, вследствие чего ссылки в гаспаровском и в моем тексте о Лотмане, даже экзотические, местами одинаковые: они взяты из общего источника. В своем докладе Гаспаров представил концепцию Лотмана в сопоставлении с марксизмом и с современными трактовками структурализма и постструктурализма. Применительно к Лотману ссылки на Маркса и диалектику были тогда не ко двору и воспринимались настороженно, и это породило много вопросов. Я подробно записывала дискуссию и затем восстановила ход обсуждения; итоговый текст, в котором изложены и ход дискуссии, и мои представления о гаспаровской трактовке сюжетов «Лотман и марксизм», «Лотман и Бахтин», «Лотман и постструктурализм» [9], опубликован в книге «Открытая структура» [23, 24] – вместе с электронной копией доклада Гаспарова [8].

«Опыт античности для педагогики будущего», 2000

Так назывался, напомним, доклад Гаспарова для конференции в Голицино (2000). Кажется, это единственный его текст, специально посвященный педагогике, в подобном ключе. Вторая половина 1990-х годов – это период реформ образования. Принципы так называемого Болонского процесса распространяются по всей Европе. Новые веяния доходят до РГГУ. Ставится задача: построить «Новую университетскую образовательную модель». Этим был призван заниматься научный-учебный центр, в который вошли почему-то одни негуманитарии. Центр издавал педагогические брошюры [25, 26], а ректор РГГУ Ю.Н. Афанасьев находился под магией инициативной группы, которая, в частности, провозглашала: европейские языки утратили греческие понятия (специфически духовные, а не прагматические), и потому наша цель сейчас – наследовать, через голову европейской цивилизации, идеи и понятия Греции. Ведь она ставит на главное место не homo faber, но homo sapiens – человека не только знающего, но «понимающего», универсального.

Разумные представители педагогического начальства РГГУ попросили меня уговорить Гаспарова (обращаться прямо к нему с такой просьбой, видимо, показалось им неудобным) развеять эти насаждавшиеся идеи, которые свидетельствовали как минимум об отсутствии гуманитарно-филологического образования. Нам обоим было предложено выступить с докладами в Голицыно на традиционном для РГГУ методологическом семинаре. К счастью, я смогла уговорить его написать текст, хотя времени было в обрез.

Гаспаров не смог поехать в Голицыно, и я поехала одна – с поручением прочитать наряду со своим и его текст. Мой доклад на тему «Между профессионализмом и универсальностью» был построен на современном западноевропейском материале, и он прошел вполне спокойно, чего не скажешь о докладе Гаспарова. Сейчас я думаю, что этот текст – с мощной проповедью взаимопонимания и взаимоперевода – нужно заучивать наизусть в раннем возрасте, как *Отче наши*, – и россиянам, и западным европейцам с их якобы не туда пошедшей историей понятий. Доклад этот вызвал много шума и слухов в университете, готовился отпор со стороны авторов «новой концепции образования». Была даже вброшена нелепая информация, что речь идет об апокрифе, что этот текст (глазами его никто не видел) будто бы написан мной самой и выдан (непонятно зачем) за гаспаровский.

Приведу несколько тезисов из доклада, чтобы побудить читателей обратиться к этому тексту. Прежде всего Гаспаров считает ложным главный тезис инициативной группы – переориентировку с латинян на греков как тех, у кого была «духовность» и «эпистеме», а также «человек-универсал». Как раз «этого, – пишет Гаспаров, – в античной педагогике не было: она вырабатывала именно человека-профессионала. Не только столяр учился своему делу у столяра, но и медик у медика, правоведа у правоведа, математик у математика, и никаких других знаний, кроме своих специальных, учителя ученикам не сообщали» [10 с. 671].

«И не нужно преувеличивать контраст между духовностью греков, у которых была “эпистеме” и идеал homo sapiens, и приземленностью римлян, у которых была “техне” и идеал homo faber. Во-первых, не надо забывать, что наибольшее приближение античности к универсальному образованию – система семи благородных искусств – была выработана именно при римлянах. Во-вторых, не надо забывать, что “техне” стала из “ремесла” “искусством” и “наукой” именно у греков: у Аристотеля “Поэтика” – это “пойетикэ техне”, а не какая-нибудь “эпистеме”. В-третьих, если уж увлекаться этимологиями, то homo sapiens, от sАpere [так у Гаспарова. – Н. А.],

совсем не значит “человек понимающий” в противоположность “человеку знающему”, а значит “человек *соображающий*” – *соображающий, как пользоваться топором или пилой и как пользоваться понятиями и суждениями* [курсив мой. – Н. А.] [10 с. 672]».

Но главной бедой античной культуры Гаспаров считает ее замкнутость на себя, ее эгоцентричность. Свидетельства тому – полное отсутствие словарей (не было никаких: ни греко-египетских, ни греко-персидских, ни даже греко-латинских), а персонально – даже великий Плутарх «честно признавался, что латинский язык он знает посредственно», хотя долго жил под римской властью. В своей ретроспективной оценке потенций и шансов античности Гаспаров с пророческим пафосом утверждает: «Античная культура была замкнута на себя – а такая культура обречена на гибель. Она и погибла через двести лет после Плутарха – потому что сменившая ее христианская культура оказалась (до поры до времени) универсальней. Универсальней, потому что демократичней: она не делила своих приверженцев на элиту, которой доступно откровение, и на темное быдло, как это делал Платон и, кажется, делают некоторые идеологи новых педагогических концепций» [10 с. 672–673].

Возникает вопрос: как воспользоваться этим «отрицательным примером» античной педагогики во благо себе? Рецептов дается несколько. Для этого необходимо изучать не только духовную, но и материальную культуру; не только гуманитарные, но также точные и технические науки, не только свою, русскую и европейскую, но и внеевропейские культуры: исламскую, китайскую, индийскую и др. А еще – разные традиции внутри европейской культуры, например русскую и немецкую, или немецкую и французскую, или русскую допетровскую и русскую послепетровскую. Лишь такая установка на историческое и одновременно – универсальное сможет подготовить нас к вызовам будущего. При этом Гаспаров подчеркивает, что путь к универсализации знания проходит через историю наук, а также через овладение разными культурными языками (в данном случае языки трактуются как «способы отбора и систематизации фактов окружающей действительности»). Обратим внимание на то, как Гаспаров понимает «факты»: это будет интересно и сторонникам, и противникам гаспаровской методологии – например, тем, кто необоснованно упрекает его в примитивном и архаичном позитивизме. «Бытие бесконечно, а человеческое сознание конечно: поэтому мы *вырываем из бытия конечное количество явлений, способное уместиться в нашей голове, и называем их фактами; отбор этих фактов каждая культура делает по-своему* [курсив мой. – Н. А.]» [10 с. 674]. Над таким определением «факта» нельзя не задуматься, причем надолго.

Проект общей книги и ее экспериментальная форма

Таковы тематические и проблемные островки, на которых мы пытались что-то изучать и что-то строить. Мысль об общей книге пришла естественно и сама собой. Ее очень поддерживала Е.П. Шумилова. В архивных записях можно найти несколько дисциплинирующих дедлайнов – что и когда нужно представить на общее обсуждение. Это было время командировок, а срок жизни Гаспарова сокращался болезнью. Писать обычную книжку нам было, конечно, трудно: с одной стороны, между нами было немало общего – во взглядах и умонастроениях, с другой стороны, наши главные профессиональные дела были слишком различны по фактуре изучаемого материала, а его требование давать определения всех понятий, которыми я пользуюсь, приводило меня в ступор. И все равно общие интересы перевешивали.

В какой-то момент Гаспарову пришла в голову мысль, что книжка наша должна быть экспериментальной, и прежде всего – по форме. Может быть (он этого не говорил), к ней подошли бы слова *varia* или *miscellanea*. В данном случае обращает на себя внимание то, что он не только допускает, но и фактически инициирует присутствие под одной обложкой того, что обычно применительно к самому себе, и не только к себе, старательно разводит и расчленяет (с одной стороны, научное стиховедение, с другой – «записи и выписки»). А тут вдруг – сейчас мы это увидим – такой букет разных жанров: и научные статьи, и письма, и записки!

Итак, что планировалось поместить в книжку?

– Совместные работы и наши современные комментарии к ним.

– Новые, специально написанные нами порознь статьи о том, как каждый из нас понимает философию и филологию в их взаимодействиях (или отсутствии таковых), и о том, что происходило с этими дисциплинами по десятилетиям во второй половине XX в. и до начала XXI в. Особое внимание мы собирались уделить постсоветскому времени, новым способам интеллектуального восприятия, переворотам ценностей, при которых маргинальное нередко становилось господствующим, а ранее господствующее – чуть ли не маргинальным. Гаспарова очень интересовал, в частности, переворот в отношениях к таким представителям «советской» литературы, как Горький и Платонов, и он собирался об этом рассказать. А еще – о том, что в старом советском учебнике по истории философии Александрова не было ни Плотина, ни Фомы, ни Киркегора, ни Шопенгауэра, но зато теперь они вырвались вперед, а оттого

в загоне теперь самое главное – Новое время, то, из которого все нынешнее произошло.

– Две мои уже опубликованные статьи по философии и филологии, к которым Гаспаров должен был написать комментарии. Это статья в сборнике сектора теории познания Института философии РАН «Наука глазами гуманитария» [27] и другая статья – с размышлениями о круглом столе философов и филологов (опубликована в «Новом литературном обозрении» в 1996 г. [28]) [29]. Гаспаров был одним из героев этого круглого стола в НЛО, о котором я писала в своей статье, а теперь Гаспаров должен был откликнуться на мои размышления, и так далее: один текст порождает другой и отталкивался от него. В одном из писем мне (апрель, Вена, 1997) Гаспаров с энтузиазмом пишет про такие «отклики на отклики», причем это относится не только к упомянутому выше наслоению текстов, но и к другим планировавшимся темам: «Что касается Бахтина и прочей философии/филологии – господи, конечно, это за нами, и я жду твоего приезда и возобновления разговоров [“Н. лит. обзор.” год назад начало печатать раздел “переписка из разных углов” на теоретич. и критич. темы; если бы ты, как мы думали, написала мне вопросы по тому, что я (и другие) говорили в той дискуссии в НЛО, а я бы ответил, и т. д. – эту переписку можно было бы прямо нести в журнал. Теперь тебе уже некогда, но такая литературная форма нам и в Москве для этой темы подойдет]» (везде сохранено написание М. Г. – Н. А.) [30 с. 665].

– Наши разные тексты о Бахтине и Лотмане. По Бахтину я тоже набирала материал для нас обоих – и сама (даже в командировках), и с помощью В.Л. Махлина, известнейшего российского бахтиноведа. Доклад Гаспарова, посвященный теме «творчество и исследование у Бахтина» [31] должен был стать предметом нашего отдельного разбора. Вкратце отмечу здесь, что гаспаровское разведение «творчества» и «исследования» применительно к Бахтину и Рабле представлялось мне изначально слишком жестким и требующим радикальных уточнений. В общие дискуссии мне предстояло ввести опыт чтения спецкурсов для французских и швейцарских студентов и докторантов, в частности посвященных именно Бахтину и Лотману, их концепциям, их рецепции в России и на Западе в разные периоды.

– Письма Гаспарова ко мне, имеющие отношение к теме (мои письма ему не сохранились).

– Накопившиеся материалы из его «записных книжек»; в 2000 г. вышел том «Записей и выписок» [32], но к моменту сбора материалов для общей книжки накопилось еще 2–2,5 п. л. записей.

Они еще не были распечатаны и сведены в единый файл, но должны были выборочно войти в книжку; впоследствии эти материалы были включены издателями во второе издание «Записей и выписок» (2008).

– «Вопросники» и в связи с ними – «переспросы». Это особый жанр (о нем, в частности, упоминал Гаспаров в приведенном выше фрагменте из письма). Я иногда составляла вопросники по тому или иному материалу, это мог быть какой-то текст или какая-то проблема, передавала их Гаспарову, он либо писал письменные ответы и комментарии, либо мы обсуждали эти вопросники устно, а я потом вносила в начально намеченные пункты новый материал. Иногда один вопросник мы передавали друг другу по нескольку раз, и он преображался: фразы перерастали в абзацы, старые вопросы расширялись и обобщались или наоборот – конкретизировались, а итоговый текст превращался в многослойную рукопись. Эти вопросники были нужны, чтобы при всех разъездах и разном темпе текущих заданий держаться в общем пространстве.

Какие общие вопросы при этом заведомо возникали, какие – возникли бы по мере консолидации намеченных материалов под одной крышей? Прежде всего это были вопросы, связанные с научной филологией или, точнее, такой филологией, которая стремится быть научной. Для наших дней характерно в большинстве случаев отсутствие интереса философии к филологии, которая хочет быть научной: гуманитарная наука – особая, специфическая, не такая, как естественные науки. В целом это судьба классической дихотомии – науки о природе и науки о культуре (Риккерт) или науки о природе – науки о духе (Дильтей). Вопрос о возможности науки (научности) в гуманитарном знании был важен для меня со студенческих времен, но смысловые акценты я расставляла для себя в этой антиномии несколько иначе, чем Гаспаров. Я переводила вопрос о точности в вопрос об объективности и считала, что если объективное знание возможно не только в естествознании, но и в гуманитарном знании, то это меняет наши представления о соотношении философии и (специальных) наук, а также целый ряд мировоззренческих посылок самого общего характера. Вместе с тем защищать эту возможность объективности требовалось более сильными доводами, чем «дважды два – четыре» (любимый иронический пример Гаспарова), потому что не все можно сосчитать, не все существенное, во всяком случае.

Если исходить из отсутствия принципиального разрыва между видами наук, то необходимо было бы продумать формы доводов защиты гаспаровского тезиса о том, что «Пушкин и камень – одно и

то же». Иначе: художественное произведение как вещь в мире, как это понимать? У Ярхо есть тезис о произведении как части объективного мира, но он не вполне раскрыт, особенно если иметь в виду не только объективность вещи, но и объективность знания о ней. В качестве отдельного вопроса мы предполагали обсудить также и различие позиций обыденного и специализированного сознания (то, что солнце «всходит и заходит», никогда не отменит ни одна наука), и это могло вывести к тому, чтобы внимательнее отнестись к позиции человека в «жизненном мире». Различие позиций критика и исследователя также оценивалось как важное для размышлений о научности и объективности. Проводя принципиальную границу между критикой, которая существует 2000 лет, и наукой о литературе, которая существует от силы 200 лет, Гаспаров считал в высшей степени сомнительной распространенную в среде литературоведов-критиков антитезу «живое – мертвое» с наивным приматом «живого»: быстрая смена поколений и возрастающая продолжительность жизни гораздо чаще и сильнее сталкивает нас с тем, что мертво для нас в других или для других в нас.

И еще очень важный аспект этой проблематики – дискуссии с другими филологами, которым Гаспаров всегда противился. Особенно с теми, кого он глубоко уважал, например с С.С. Аверинцевым. О радикальном различии подходов Гаспарова и Аверинцева к филологии – на уровне принципов – мне доводилось писать в [23 с. 302–309; 24 с. 306–313]. Думаю, что этот до сих пор толком не артикулированный спор Гаспарова и Аверинцева по поводу того, что есть наука о словесности, т. е. филология, равен по значимости спорам Бора и Эйнштейна об основаниях физики и вообще естественных наук. Однако по отношению к программе Ярхо–Гаспарова программа Аверинцева – это *другая* филология. Аверинцев говорит об интимном отношении к предмету, утверждает, что точные методы в филологии применимы лишь к периферийным явлениям. Для обоих исследователей филология выступает как служба понимания. Но между их пониманием того, что есть понимание, – большая разница: Аверинцев опирается на человечность, житейскую мудрость и здравый смысл, а Гаспаров – на микро- и макроструктуры, расширяющие естественную человеческую способность восприятия.

Отдельная плоскость полемики захватывает позиции тех философов (Подорога, Рыклин), которые участвовали в ставшем знаменитым круглом столе философов и филологов [26]. Философы, как и филологи, изучают литературные произведения, но в отличие от филологов они, подчеркивает Гаспаров, не учитывают «фон». Но

ведь любой литературный прием, как было открыто структуралистами и стало уже общим достоянием, – это не факт, но отношение факта к фону, на который он продуцируется, а потому отсутствие приема столь же значимо, как и его наличие, но для понимания всего этого нужно знать культурный фон. Философы склонны изучать только известное (великое), но великое складывается общими трудами, крупные поэты появляются на фоне малых, история поэзии делается общими усилиями, происходит в каком-то смысле коллективное творчество словесной культуры. Это ясно видно, скажем, в том, как складываются стереотипы соотношения метра и смысла, которые создаются и угасают, причем в этом процессе участвуют и самые малые имена. Естественно, что разговор философов и филологов должен был продолжиться и в нашей книжке.

Гаспаров, постмодернизм, деконструкция

Не могу не упомянуть здесь еще об одном регистре концептуальных напряжений. Отображать его в книжке мы специально не собирались, однако он всегда весомо присутствовал в наших занятиях. Дело в том, что после моего перехода в философию французский структурализм, постструктурализм и постмодернизм были поначалу и во многом оставались моими главными темами. Я переводила, в частности, Фуко и Деррида, а Гаспаров был для меня главным консультантом в вопросах перевода. Он относился к моим героям, можно сказать, свирепо. Я же считала и считаю, что в любых самых агрессивных «постмодернистских» (этим термином я стараюсь не пользоваться и не считаю его философским) ниспровержениях европейской мыслительной традиции есть свое, как раньше говорили, «рациональное зерно», которое не только рушит нечто в конструкциях широко понимаемой рациональности, но и укрепляет их, делая их более выносливыми. В силу своего доброго ко мне отношения Гаспаров вникал в моих авторов, читал их, кое-что редактировал в моих переводах [33], во всяком случае, через меня он был привязан к материалу, в который ни за что не стал бы вникать по собственному желанию. На Гаспаровских чтениях–2014 в докладе о гаспаровских переводах Аристотеля и моих переводах Деррида я попыталась отдельно прочертить некоторые аспекты отношения Гаспарова к Деррида [33]. У Гаспарова есть яркие высказывания о его отношении к моим героям, они стали широко известными. Вот, например: «...помогал моей коллеге переводить Фуко и Деррида, и фразы их доводили меня до озверения»

[32 с. 322]; или «пляшущий стиль Деррида – это атомная бомба в борьбе за власть над читателем» [32 с. 398] и др. И вообще Деррида становится для него именем нарицательным для воплощения негативных явлений в современной культуре.

Забываясь о том, чтобы я не поддавалась соблазнам непонятого стиля, но также тревожась о российском читателе в целом, он считал, что Деррида лучше не переводить вовсе, а собрать отрывки в антологию. Что же касается изучения и описания его концепции, то писать о нем нужно на обыденном языке, не будучи ни за, ни против него и не пользуясь его понятиями! Отвержение Деррида и постмодернизма занимает в записях Гаспарова и его письмах ко мне место настолько большое, что это становится для некоторых исследователей подозрительным. Может быть, поэтому известный автор Николай Поселягин озаглавил свою недавнюю статью для торжественного сборника в честь 50-летия И.А. Пильщикова «Гаспаров как деконструктивист» [34]. Автор считает, что Гаспаров сражается с Деррида как с одним из собственных обликов, что он, по сути, борется не с методом деконструкции, но скорее с его философскими подтекстами, но сам при этом фактически занимается деконструкцией: неслучайно в его текстах слишком много «произвольного» – будь то реконструкция фигуры Лотмана, которого Гаспаров, дескать, сводит к его первой книге, «Лекции по структуральной поэтике» (1964), или же экспериментальные переводы [35] (почему собственно вольный стих показывает своеобразие поэта, а ритмический или рифмованный – принадлежность эпохе?). Кстати, этот вопрос и в самом деле указывает на нечто вовсе не самоочевидное.

Что бы ответил на эту критику Гаспаров? Наверное, он сказал бы, что произвольных деформаций в экспериментальных переводах он не производит, что он контролирует производимые операции и предупреждает о них читателя. Так, например, относительно работы с Верхарном (из сборника «Черные факелы», первые строки гаспаровского перевода – «Мой рассудок мертв») он рассказывает о том, что делает: мы убираем связующие фразы, распространяющие глагольные обороты, сохраняем преимущественно существительные, да и среди тех скорее конкретные, чем отвлеченные, так что в итоге каждое слово делается более весомым и резким. То есть это именно не прихоть, но поставленный над текстом опыт. Другое дело, что в какой-то момент невольно возникает вопрос: что это – перевод или самостоятельное стихотворение «по мотивам Верхарна»? При этом, думаю, Гаспаров все же преувеличивает способность контролировать – даже не столько

используемые приемы, сколько их результаты и эффекты. Да и кто будет оценивать проводимый эксперимент? Кто будет описывать свои эстетические впечатления и сопоставлять их применительно к разным переводам – а ведь такое сопоставление так или иначе предполагалось и у Ярхо, и у Гаспарова. Так что провокативный текст Поселягина дает повод для новых размышлений – и о палитре возможностей перевода, и о пределах точного литературоведения. Впрочем, нельзя не напомнить, что научным во всем своем творчестве Гаспаров считал только количественный анализ стиха, а потому ни очерки о Лотмане, ни переводы, тем более заявленные как осознанные эксперименты, в эту категорию заведомо не входят, а потому и критерии произвольного и обоснованного тут будут изначально иные, чем предполагает критик.

Новый позитивизм?

Так или иначе, материал в виртуальной книжке, как я ее понимаю, должен был освещать ту концепцию нового позитивизма, или нового эмпиризма, которую фактически строил Гаспаров (этими терминами он не пользовался). Это был грандиозный замысел, отчасти реализованный, в котором Гаспаров ссылался на Ярхо в безусловном смысле, хотя, как уже говорилось, не во всем эти ссылки были надежными. Прежде всего – в том, что Ярхо опирается на биологические аналогии, а Гаспаров – на исторические, гораздо более способные подталкивать к релятивизирующим следствиям, что, возможно, не всегда им учитывалось. При этом для них обоих, Ярхо и Гаспарова, в понимании науки и научности важную роль играет противопоставление науки как логической процедуры процессу открытия (последнее может возникнуть хотя бы и во сне). Специфика науки – логический способ изложения того, что было открыто одним человеком, но становится доступно другим людям. Мне доводилось писать об этой проблеме соотношения процесса исследования с логическим изложением его результатов [36], а также «деконструировать» гаспаровское понимание этого тезиса: Гаспаров приписывал его Ярхо, но на самом деле, видимо, он принадлежит Г.Г. Шпету, к которому у Гаспарова было весьма неоднозначное отношение, во многом с подачи Ярхо. Этому запутанному вопросу был посвящен мой доклад на конференции, приуроченной к 100-летию русского формализма (Париж, октябрь 2015); материалы готовятся к изданию во французском журнале «Communications», некогда основанном Роланом Бартом.

Новый позитивизм, о котором я говорю, это не тот архаичный позитивизм, который на разных этапах своего существования в XIX и XX вв. принимал самые разные обличья. По сути, Гаспаров указывает нам на новый пласт философской проблематики. А именно: вопросы, которые он ставил, требуют пересмотра идеи позитивности и эмпирического факта, учета тех сложных опосредований и моделей, в которые он вписывается как мельчайший элемент в процессе понимания и интерпретации. Эта новая концепция позитивности должна быть отлична и от того позитивизма, который было принято ругать в русской философии XIX в., и одновременно – от того европейского (пост)позитивизма, который в XX в. растворил факты в социуме, культуре, сделал их целиком зависимыми от теоретических каркасов и тем самым релятивизировал все здание науки. Сейчас принято считать, что позитивизм как идея последовательного эмпирического обоснования науки безвозвратно погиб, а к тому же, дескать, и раньше был эпистемологически невозможен и морально вреден (как бескрылое оправдание всего существующего). Но недаром характеристику, которую дала Гаспарову Кэрил Эмерсон – «сторожевая собака позитивной научности», – он носил как орден и считал ее «безоговорочно комплиментарной».

В противоположность классическому позитивизму, отвергавшему философию (такое отвержение было формой равнодушного отношения к философии), Гаспаров имел свою философию или, по крайней мере, «спонтанную философию ученого» (термин Луи Альтюссера). На это работало и его осознанное требование давать отчет в том, что мы обычно принимаем без доказательств, и сверхответственное отношение к слову, далеко выходящее за рамки любой филологической тщательности. Гаспаров – философ *sui generis*: он строил нужную ему философию познания, о которой мы можем судить по косвенным признакам, так как она целиком не прописана и должна быть реконструирована в текстах конкретных анализов. Фактически Гаспаров постоянно бился за философский (слова «рефлексивный», «самоосознающий», здесь очень уместного, он не употреблял) подход ко всему, над чем он работал. Но эта имплицитная философия нуждается в экспликациях и уточнениях.

В этой связи обратим внимание на гипертрофированную вербализованность как осознанную установку Гаспарова. Так, даже в анализе заумного стихотворения обыденный рассказ о понимании содержания считался необходимым – чтобы было, с чем сравнивать те смысловые и языковые деформации, которые произведены

автором текста. Тут возможна такая параллель с Фуко вокруг идеи пределов. Если Фуко (как философ) испытывал пределы, чтобы проверить свою способность в любой ситуации «думать иначе», то Гаспаров (как филолог) ставил целью не изменение и сдвиг любой ценой, но расширение сферы вербальной артикуляции всего, что мы испытываем. И тем самым он, можно сказать, испытывал способность претворять разнообразный человеческий опыт в соизмеримые формы – через язык, через высказывание. Фактически это была попытка перевода в ситуациях непереводимости. Причем, как и у не любимого им Фуко, это было не просто личное строительство в своем духовном хозяйстве: это был опыт-предел, или опыт на пределе, или опыт с пределами (границами) (*expérience-limite*). Впрочем, и Деррида, как я думаю, тоже по сути занимался тем, что расширял сферу выразимого в мысли, так что между Деррида и Гаспаровым в некоторых смыслах было больше парадоксальным образом сходного, чем Гаспаров был готов признать.

Заключение

Гаспаров – и за рамками этого книжного проекта – нередко определял свое место по отношению к более общему социальному или мыслительному пространству как «щель» или «угол». Быть может, его образ нашего взаимодействия – «разговоры из двух углов» – был навеян известной «Перепиской из двух углов» Вяч. Иванова и М.О. Гершензона (1921): она была, как мы помним, создана в тот момент, когда оба друга жили вдвоем в одной комнате, в здравнице «для работников науки и литературы» в Москве, имели на двоих одно окно и одну дверь, но разные углы и отдельные письменные столы, и в этих условиях они письменно рассуждали о Боге и личном бессмертии. У них было общее пространство жизни и заранее заданная тема. У нас не было ни общего пространства жизни, ни заданной темы, а те, что были более или менее очевидными, вполне могли тянуть собеседников в разные стороны. Быть может, Гаспаров имел в виду более близкий аналог – рубрику «Переписка из разных углов», появившуюся в НЛО. В любом случае, хорошо, что Гаспаров назвал наш жанр «разговорами из двух углов»: это шире «переписки», а разговор вполне может быть и письменным.

Опираясь на представленные выше темы статей или исследований, а затем – планы совместной книги, мы можем теперь только гадать о том, что могло бы реально произойти в том вир-

туальном пространстве, куда Гаспаров был готов ввести одновременно самые разные жанры. В любом случае базовая аналогия между ролью Лавуазье в химии и ролью Ярхо в литературоведении подвергалась весьма неожиданной контекстуализации, попадая в экспериментальную форму жанрового хаоса, где возможны непредсказуемые столкновения и разрывы, а может быть, и взаимодействия. Однако контуры нашей общей проблематики были уже намечены: главное – не дать себе погибнуть, как погибла античная культура, от «эгоцентричности», индивидуализма, замкнутости на себя. На пути к их искоренению нам нужно искать и анализировать «факты», учить чужие «культурные языки». Все это и должна иметь в виду «новая концепция образования», а как именно в ней смогут соотноситься умения философии и филологии, выяснится в будущем. В принципе можно предположить, что эти дисциплины, ответственные за слово и за понятие, смыкаются там, где речь идет о рождении и формулировании мысли, способной давать аргументы от разума (а не от откровения или чувствования).

В заключение – еще один привет нам от Гаспарова – слово утешения, которое может пригодиться каждому. Оно звучит во многих его работах: это слово – не отчаиваться! Этому помогает его опора на типологию культуры, основанную на непреложной смене доминант и этапов по принципу контраста. Это могут быть периоды развития вширь, когда культура охватывает более широкие слои, и развития вглубь, когда она интенсифицируется и вырабатывает более тонкие механизмы и приемы; или же это могут быть смены логических доминант, условно говоря, образными и чувственными. Этот принцип Гаспаров использовал и в объяснении истории литературы, и в схемах российского усвоения западной культуры, и в анализе культурных механизмов перевода: готика – Возрождение – барокко – классицизм – романтизм – реализм сменяли друг друга, и ни одно состояние умов и душ не закреплялось навсегда. А потому и в письмах он утешал меня и себя: если мы оказываемся «апостолами рационализма», который сейчас никому не нужен, не стоит огорчаться: сейчас не нужны, зато будем нужны следующему поколению. А наше сегодняшнее состояние – не конец истории. Если, конечно, мы будем развивать службу взаимоперевода и взаимопонимания, которая помогает жить в настоящем и намечает пути в будущее. Об этом и идет «разговор из двух углов».

Литература

1. Ваш М.Г. Из писем Михаила Леоновича Гаспарова / сост. Е.П. Шумилова. М.: Новое издательство, 2008. 450 с.
2. Автономова Н.С., Гаспаров М.Л. Сонеты Шекспира и переводы Маршака // Вопросы литературы. 1969. № 2. С. 100–112.
3. Гаспаров М.Л. Избранные труды. В 3 т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 2. С. 105–120.
4. Гаспаров М.Л. О русской поэзии. М.: Азбука, 2001. 476 с.
5. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 704 с.
6. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 736 с.
7. Автономова Н.С., Гаспаров М.Л. Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры 1929–1953 // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 534–540.
8. Гаспаров М.Л. [электронная версия доклада Гаспарова на VII Лотмановских чтениях, проведенных ИВГИ при РГГУ в 1999 г.] // Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. 2-е изд. испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 228–233.
9. Автономова Н.С. Ретроспективный комментарий: Гаспаров, Лотман и марксизм // Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / Автономова Н.С. 2-е изд. испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 233–246.
10. Гаспаров М.Л. Опыт античности для педагогики будущего. Публикация Наталии Автономовой // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2015. С. 671–675.
11. Свой путь в науке. Коллективный портрет ИВГИ / сост. Н.С. Автономова, Е.П. Шумилова. М.: РГГУ, 2004 (Серия «Чтения по истории и теории культуры», вып. 44).
12. Гаспаров М.Л. Научная щель // Свой путь в науке. Коллективный портрет ИВГИ / сост. Н.С. Автономова, Е.П. Шумилова. М.: РГГУ, 2004. С. 30–34 (Серия «Чтения по истории и теории культуры», вып. 44).
13. Автономова Н. Philosophie oder Parodie auf die Philosophie? (Kommentar zum Vortrag von A. Hansen-Löve über die Philosophie des “Nichts” bei den Oberrieten) // Russisches Denken im Europäischen Dialog / M. Deppermann (hrsg.). Innsbruck; Wien, Studien Verlag, 1998. S. 212–225.
14. Гаспаров М.Л. Лермонтов и Ламартин: семантическая композиция стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива» // Историко-филологические исследования. М.: Наука, 1974. С. 113–120.

15. *Гаспаров М.Л.* Работы Б.И. Ярхо по теории литературы // Труды по знаковым системам – 4. Тарту: ТГУ, 1969. С. 504–514.
16. *Ярхо Б.И.* Методология точного литературоведения. М.: Языки славянских культур, 2006. 928 с.
17. *Ярхо Б.И.* Методология точного литературоведения. Отрывки [публ. М.Л. Гаспарова] // Труды по знаковым системам – 4. Тарту: ТГУ, 1969. С. 515–526.
18. *Золян С.Т.* Перечитывая «О разных методах перевода» Шлейермахера: к основаниям теории переводоведческой относительности // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8. № 4. С. 67–80.
19. *Jakobson R.* Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik // Slavische Rundschau. 1929. Vol. 1 (8). P. 629–646.
20. *Якобсон Р.О.* О современных перспективах русской славистики / пер. с нем. Д. Бака // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 21–37.
21. *Автономова Н.* Roman Jakobson: deux programmes de foundation de la slavistique // Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915–1939 / F. Gadet, P. Sériot (eds.). Lausanne, 1997. P. 5–20. (Cahiers de l' Institut de linguistique et des sciences du langage (ILSL). Vol. 9).
22. *Автономова Н.С.* Актуальное прошлое: структурализм и евразийство (вступит. статья) // Серио П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30 гг. / авториз. пер. с франц. Н.С. Автономовой. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 9–30.
23. *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 504 с.
24. *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 509 с.
25. *Афанасьев Ю.Н., Строгалов А.С., Шеховцов С.Г.* Об универсальном знании и новой образовательной среде (к концепции универсальной компоненты образования) // Интеллектуальное развитие и универсальная образовательная среда: Материалы Всерос. науч.-метод. конф. «Развивающая педагогика в универсальной образовательной среде». Голицыно, 1–4 февраля 1999 г. М.: РГГУ, 2000.
26. *Афанасьев Ю.Н., Шеховцов С.Г.* Путь гуманитарного университета: опыт рефлексии // Интеллектуальное развитие и универсальная образовательная среда: Материалы Всерос. науч.-метод. конф. «Развивающая педагогика в универсальной образовательной среде». Голицыно, 1–4 февраля 1999 г. М.: РГГУ, 2000.
27. *Автономова Н.С.* Философия и филология // Наука глазами гуманитария. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 634–658.
28. Философия филологии (круглый стол) // НЛЮ. 1996. № 17. С. 45–93.

29. Автономова Н.С. Философия и филология (о российских дискуссиях 1990-х годов) // Ускользящий контекст. Русская философия в XX веке. М.: Ad Marginem, 2002.
30. Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею // отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин Т.Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2015.
31. Гаспаров М.Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Русская литература XX–XXI веков: Проблемы теории и методологии изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 10–11 ноября 2004. М., 2004. С. 8–10.
32. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 416 с.
33. Автономова Н.С. Гаспаров и перевод: От Аристотеля к Деррида // Вольность и точность. Гаспаровские чтения – 2014. М.: РГГУ, 2015. С. 70–87.
34. Поселягин Н. Гаспаров как деконструктивист // Славистический сборник. Review of Slavic Studies. Vol. 92. Нови сад, 2017. С. 163–174.
35. Гаспаров М.Л. Экспериментальные переводы. СПб.: Гиперион, 2003. 352 с.
36. Автономова Н.С. «Наука» и «творчество»: метаморфозы антиномии // Классика и не только: Нине Владимировне Брагинской. М.: РГГУ, 2010. С. 411–422 (серия: Orientalia et Classica. Вып. 33).

References

1. Shumilova EP, comp. "Yours M.G." From the letters of Mikhail Leonovich Gasparov. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.; 2008. 450 p. (In Russ.)
2. Avtonomova NS, Gasparov ML. Shakespeare's Sonnets and Marshak's Translations. Voprosy literatury. 1969;2:100-12. (In Russ.)
3. Gasparov ML. Selected Works. In 3 vols. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ.; 1997. p. 105-20. (In Russ.)
4. Gasparov ML. On Russian Poetry. Moscow: Azbuka Publ.; 2001. 476 p. (In Russ.)
5. Avtonomova NS. Knowledge and Translation. Experiences of the Philosophy of Language. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2008. 704 p. (In Russ.)
6. Avtonomova NS. Knowledge and Translation. Experiences of the Philosophy of Language. 2nd ed., corr. and enlarged. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; 2016. 736 p. (In Russ.)
7. Avtonomova NS., Gasparov ML. Jakobson, Slavic Studies and Eurasianism: Two Conjectures 1929–1953. V: *Roman Jakobson. Texts, documents, research*. Moscow: RGGU Publ.; 1999. p. 534-40. (In Russ.)

8. Gasparov ML. [Online version of Mikhail Gasparov's talk at the Seventh Lotman Conference. Institute for Advanced Studies in Humanities at the Russian State University for the Humanities, 1999]. V: Avtonomova NS. *Open Structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov*. 2nd ed., corr. and enlarged. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; 2014. p. 228-33. (In Russ.)
9. Avtonomova NS. *Open Structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov*. 2nd ed., corr. and enlarged. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; 2014. *Stat'ya. A Retrospective Commentary: Gasparov, Lotman, and Marxism*. p. 233-46. (In Russ.)
10. Gasparov ML. *The Legacy of Antiquity for the Pedagogy of the Future*. Publ. by Natalia Avtonomova. V: Pruzhinin BI, Shchedrina TG. (ed., comp.). *The Topoi of Natalia Avtonomova's Philosophy. A Jubilee Volume*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2015. p. 671-75. (In Russ.)
11. Avtonomova NS., Shumilova EP., comp. *A Way of One's Own in Scholarship. A Collective Portrait of IASH*. Moscow: RGGU Publ.; 2004 (Series "Conference on the history and theory of culture", vol. 44). (In Russ.)
12. Gasparov ML. *A Scholarly 'Hole'*. V: Avtonomova NS., Shumilova EP., comp. *A Way of One's Own in Scholarship. A Collective Portrait of IASH*. Moscow: RGGU Publ.; 2004. p. 30-4 (Series "Conference on the history and theory of culture", vol. 44). (In Russ.)
13. Avtonomova N. *Philosophie oder Parodie auf die Philosophie? (Kommentar zum Vortrag von A. Hansen-Löve über die Philosophie des "Nichts" bei den Oberriuten)*. Deppermann M., hrsg. *Russisches Denken im Europäischen Dialog*. Innsbruck; Wien, Studien Verlag, 1998. s. 212-25.
14. Gasparov ML. *Lermontov and Lamartine: the Semantic Composition of the Poem "When the Yellow Cornfield is Waving"*. V: *Historical and philological research*. Moscow: Nauka Publ.; 1974. p. 113-20. (In Russ.)
15. Gasparov ML. *Boris Yarkho's works on literary theory*. V: *Proceedings on sign systems – 4*. Tartu: TGU Publ.; 1969. p. 504-14. (In Russ.)
16. Yarkho BI. *Methodology of Exact Literary Studies*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.; 2006. 928 p. (In Russ.)
17. Yarkho BI. *Methodology of Exact Literary Studies. Excerpts [publ. by Gasparov ML.]*. V: *Proceedings on sign systems – 4*. Tartu: TGU Publ.; 1969. p. 515-26. (In Russ.)
18. Zolyan ST. *Schleiermacher's "On the Different Methods of Translating" Revisited: towards foundation of a translational relativity theory*. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*. 2017;8(4):67-80. (In Russ.)
19. Jakobson R. *Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik*. *Slavische Rundschau*. 1929;1(8):629-46. (In Russ.)
20. Jakobson RO. *Today's Perspectives of Russian Slavic Studies*. V: Roman Jakobson. *Texts, documents, research*. Moscow: RGGU Publ.; 1999. p. 21-37. (In Russ.)

21. Avtonomova N. Roman Jakobson: deux programmes de foundation de la slavistique. V: Gadet F., Sériot P., eds. *Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915–1939*. Lausanne, 1997. p. 5-20. (Cahiers de l' Institut de linguistique et des sciences du langage (ILSL), vol. 9).
22. Avtonomova NS. A Topical Past: Structuralism and Eurasianism. V: Serio P. *Structure and integrity. On the intellectual origins of structuralism in Central and Eastern Europe. 1920–1930 years*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.; 2001. p. 9-30. (In Russ.)
23. Avtonomova NS. Open Structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2008. 504 p. (In Russ.)
24. Avtonomova NS. Open Structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov. 2nd ed. corr. and enlarged. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; 2014. 509 p. (In Russ.)
25. Afanasyev YuN., Strogalov AS., Shekhovtsov SG. On Universal Knowledge and the New Educational Environment (towards the Concept of a Universal Component of Education). V: Intellectual development and universal educational environment. Proceedings of the All-Russia Scientific-method. Conf. “Developing pedagogy in an universal educational environment”. Golitsyno, February 1–4, 1999. Moscow: RGGU Publ.; 2000. (In Russ.)
26. Afanasyev YuN., Shekhovtsov SG. Some Reflections on the Path of a University for the Humanities. V: Intellectual development and universal educational environment. Proceedings of the All-Russia Scientific-method. Conf. “Developing pedagogy in an universal educational environment.” Golitsyno, February 1–4, 1999. Moscow: RGGU Publ.; 2000. (In Russ.)
27. Avtonomova NS. Philosophy and Philology. V: Science through the eyes of the humanitarian. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2005. p. 634-58. (In Russ.)
28. The Philosophy of philology (a round-table discussion). *NLO*. 1996;17:45-93. (In Russ.)
29. Avtonomova NS. Philosophy and Philology. (On the Russian Discussions of the 1990s). The elusive context. Russian Philosophy in the 20 century. Moscow: Ad Marginem Publ.; 2002. (In Russ.)
30. Pruzhinin BI., Shchedrina TG., ed. The Topoi of Natalia Avtonomova's Philosophy. A Jubilee Volume. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2015. (In Russ.)
31. Gasparov ML. History of Literature as Creation and as Research: Bakhtin's case. V: Russian literature of 20th–21st centuries. Issues of the theory and methodology of study. Proceedings of the international scientific conference. Moscow, November 10–11, 2004. Moscow, 2004. p. 8-10. (In Russ.)
32. Gasparov ML. Notes and Excerpts. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2000. 416 p. (In Russ.)
33. Avtonomova NS. Gasparov and Translation: From Aristotle to Derrida. V: Liberty and accuracy. Gasparov Conference-2014. Moscow: RGGU Publ.; 2015. p. 70-87. (In Russ.)

34. Poselyagin N. Gasparov as a Deconstructionist. V: Slavistic collection. Review of Slavic Studies. Vol. 92. Belgrad: Novi sad Publ.; 2017. p. 163-74. (In Russ.)
35. Gasparov ML. Experimental Translations. Sankt-Peterburg: Giperion, 2003. 352 p. (In Russ.)
36. Avtonomova NS. "Scholarly Research" and "Creation": metamorphoses of the Antinomy. V: Classics and not just that. To Nina Vladimirovna Braginskaya. Moscow: RGGU Publ.; 2010. p. 411-22 ("Orientalia et Classica" Series. Vol. XXXIII). (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья С. Автономова, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; avtonomovanatalia@gmail.com

Information about the author

Natalia S. Avtonomova, Dr. in Philosophy, chief researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia, 109240; leading researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; avtonomovanatalia@gmail.com